

В и р ж и н и я Т

Падшие ангелы-том 1

Танцуй Мой, Ангел

Virginie T. Танцуй, Мой Ангел

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57159701

Танцуй, Мой Ангел:

ISBN 9788835404736

Аннотация

Паранормальный роман между человеком в опасности и ангелом Кейтлин уже несколько лет возглавляет американский балетный театр в Нью-Йорке. Одинокая и замкнутая, ее жизнь вращается вокруг танцев, и ее самый большой поклонник-не кто иной, как ее бабушка. Все меняется, когда кто-то начинает приставать к ней. Кто это может быть и с какой целью? Ее бабушка готова на все, чтобы защитить ее, в том числе поставить себя на путь своего таинственного соседа Баракиля.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виржиния Т. Танцуй, Мой Ангел

Танцуй, Мой Ангел

I de Падшие ангелы

Виржиния Т

Кейтлин уже несколько лет возглавляет американский балетный театр в Нью-Йорке. Одинокая и замкнутая, ее жизнь вращается вокруг танцев, и ее самый большой поклонник-не кто иной, как ее бабушка. Все меняется, когда кто-то начинает приставать к ней. Кто это может быть и с какой целью? Ее бабушка готова на все, чтобы защитить ее, в том числе поставить себя на путь своего таинственного соседа Бараки-ля.

Танцуй, мой ангел

Падшие ангелы-том 1

Вирджиния Т.

Перевод Самеда Мамедова

© 2020 года. Виргиния Т

Глава 1

Кейтлин

С тех пор, как я танцую, я больше не должна быть такой напряженной. Ведь репетиции всегда проходят одинаково, и я уже получила главную роль, как и предыдущие пять раз. Меня не зря называют восходящей звездой Американского театра балета, и я далека от того, чтобы украсть свое место. Я боролась и многим пожертвовала, чтобы добиться этого. Танец-неотъемлемая часть моей жизни, моего существа, и не может быть и речи о том, чтобы последние события мешали мне быть мной. Я закрываю глаза, делаю пустоту вокруг себя и вспоминаю решающие шаги, которые вели меня в этот момент.

Я приехала в Нью-Йорк в свои молодые годы благодаря моему тогдашнему учителю танцев и его постоянной настойчивости в отношении моих родителей. Я никогда не смогу отблагодарить его за то будущее, которое он мне дал. Я до сих пор помню, как он подвергался преследованиям моих родителей. Мейсон Джаз – очень решительный человек, если не сказать больше, и мой успех был для него важен. Я начала балет, как и многие маленькие девочки, в возрасте

четырёх лет, когда меня подтолкнула моя мать, которая надеялась направить мое изобилие энергии, позволяя мне открыться миру и людям вокруг меня. С высоты своего 1 метра я была очень замкнутым ребенком в поисках выхода для Вихря эмоций, которые тлеют во мне и которые я не понимала. Все было источником внутренних конфликтов, стрессов, вплоть до приступа паники. Поэтому я очень рано сделала выбор, чтобы говорить очень мало и держаться подальше от любого социального взаимодействия. Врач диагностировал у меня форму аутизма, достаточно легкую, чтобы позволить мне нормально жить и умственные способности в среднем, но достаточно развитую, чтобы человеческие отношения были для меня настоящей проблемой. В то время это ничего не значило для маленького ребенка, которым я была, кроме того, что я отличалась от других детей, и мне не нужен был этот господин в белом халате, чтобы заметить меня. Моя мама думала, что танец может быть лекарством от моих недугов, способом выразить то, что я сдерживаю в своем теле и сердце. Если бы она знала тогда, как далеко это приведет нас, то, возможно, дважды подумала бы об этом. Мейсон очень быстро увидел мой потенциал и как простое хобби стала моей страстью, всепоглощающей и изменившей жизнь всей семьи, а также их видение будущего.

Танец действительно был настоящим чудодейственным лекарством. Через нее я выражала все, что чувствовала внутри: ярость, зависть, любовь. Я начала конкурсы танцев всего

в шесть лет, поражая присяжных своей зрелостью и набивая призы каждый раз, когда мои родители гоняли меня из города в город по доброй воле, несмотря на это, путешествуя по Флориде вдоль и поперек. Мои родители в то время давали мне все, чтобы не мешать моему прогрессу, оставляя в стороне свои желания и потребности. Ничего другого не существовало, кроме танца, в конце концов, совершенно противоположное тому, что хотели мои родители, которые хотели что бы я открылас миру. Мой график школьной работы был перегружен между классическими школьными уроками, которые я должна была посещать, и 10 часами танцев в неделю, но этого мне никогда не было достаточно. Тогда я жила только ради этого. Мой отец работал бесчисленное количество дополнительных часов, чтобы оплатить мои уроки, и семейный бюджет был ограничен, хотя Мейсон не заставлял нас платить за все. Моим родителям пришлось отказаться от желания второго ребенка из-за нехватки времени и средств. Когда мне было восемь лет, всем было очевидно, что так не может продолжаться вечно. Проблема была в том, что танец стал моим наркотиком, и я не могла без него. Недели отпуска всегда были настоящей чувственной пыткой, несмотря на мои одинокие тренировки возвращение к занятиям танцами- настоящее облегчение, дыхание кислорода, необходимое для моего выживания. Поэтому мой учитель обсудил с моими родителями идею отправить меня в Нью-Йорк, в школу американского балета, рай на земле в моих

глазах. Их категорический и немедленный отказ был ударом в моем маленьком сердце. Они отказали мне в праве быть нормальным, быть собой. Оглядываясь назад, я понимаю все жертвы, которые они принесли, чтобы я могла осуществить свою мечту, но в то время я была слишком молода, чтобы понять, и я на них обижалася. Чрезвычайно..

– Отправьте меня, пожалуйста, в эту специализированную школу. Мейсон сказал, что она идеально подойдет для меня.

– Это не возможно, Кейтлин. У нас есть работа, друзья, дом, и не может быть и речи, что ты уезжаешь одна на тысячи миль отсюда.

– Но я все равно одна, хотя какая ей разница ???

Я ушла от их обиженных взглядов, укрывшись в доме моей доверенной и безусловной поклонницы номер один, моей бабушки, которая жила всего в нескольких кварталах.

– Бабушка, они не позволяют мне осуществить мою мечту. Они предпочитают, чтобы я была официанткой, но я рождена, чтобы танцевать. Вы это знаете. Я могу сказать все с помощью шагов. Мне это нужно, чтобы чувствовать себя хорошо. Почему они этого не понимают ?

– Эй, моя Кейтлин Кэт, успокойся. Давай обнимемся с бабушкой.

Прижавшись к ней в объятиях, прислушиваясь к ее медленному, ровному дыханию, мои мучения всегда утихали. У нее до сих пор есть этот розовый аромат, который поднимается вам в голову, и этот голос, заданный из-за долгого жиз-

ненного опыта. Она всегда была единственной, с кем я чувствую себя как все. Она понимает меня даже тогда, когда я не произношу ни звука. Она никогда не считала меня кем-то странным, просто своей обожаемой маленькой девочкой, которую она ласково прозвала Кейтлин Кэт.

– В свое время все наладится, Мой котенок. Ты увидишь.

Я не поверила ей, но ничего не возразила, потому что она была и остается сегодня человеком которого я не хотела ни под каким предлогом. К тому же бабушка была права. Прошло два года. Два долгих года битвы между моими упрямыми родителями и настойчивым учителем, два года разочарования и возвращения туда и обратно к дому бабушки, чтобы успокоить меня, но в итоге мы покинули Флориду. Мои родители были переведены в Нью-Йорк, чтобы иметь возможность следовать за мной в этом приключении, считая меня слишком молодой, чтобы быть вдали от моей семьи. Этот день был настоящим разрывом. В своем стремлении поступить в В своем стремлении поступить в специализированную школу, оправдывающую мои надежды, я не понимала, что покинуть это солнечное место-значит уйти от бабушки. Это была неизмеримая боль, только что успокоенная обещанием, которое она дала мне.

– Я буду приходить к тебе регулярно и никогда не пропускать твои премьеры. Я обещаю Кейтлин Кэт. А ты пообещай, что отдашь все, что у тебя есть, чтобы добраться до вершины. Исполни свою мечту и покажи всему миру, кто

настоящая Кейтлин.

– Я буду скучать по тебе, бабушка..

Как я плакала в машине, ведущей меня навстречу своей судьбе, не в силах сказать ни слова благодарности моим родителям, которые все же оставили для меня все : свою семью, друзей, свой дом. Даже сегодня воспоминание о моем прощании с бабушкой вызывает у меня защемление сердца и улыбку сразу. Потому что она выполнила свое обещание, а я выполнила свое.

Для многих вход в американскую балетную школу-Это миф, то, на что мы надеемся, о чем мечтаем, но никогда не достигаем, зарезервировано для элиты и немногих привилегированных людей с исключительной жизнью. К счастью для меня, Мейсон хорошо подготовил меня, и это оказалось всего лишь формальностью. Всего в 10 лет я ослепила самых больших своей выступлениями и эмоциями, которые я передаю через свои шаги. Я приковала цепочки колышками, арабески и кошачьи прыжки без каких-либо оплошностей и получила полную стипендию, чтобы начать занятия уже на следующей неделе с подростками. Еще одно отставание от остальных. Разница в возрасте означала, что у нас не было одинаковой жизни и одних и тех же целей, несмотря на общую страсть, продолжая держать меня в изоляции. Пятнадцатилетние девочки расцвели в своем распускающемся теле и искали глазами мальчиков, а я проводила дни перед зеркалом с единственной целью достичь совершенства в своей

практике. С тех пор это не изменилось, так как ревность к моим успехам поддерживала это явление. Кроме того, моя подростковая фаза имеет мало общего с фазой других. Я немного пофлиртовала, больше для того, чтобы походить на других, чем из настоящей зависти, и это не принесло большого успеха. Между этими юношами, ищущими опыта, и мной стоял невидимый барьер : полное отсутствие понимания. Я никогда не понимала, чего они от меня ждут, и наоборот. С другой стороны, я и сама не знала, чего от них жду. Быть менее одинокой, наверное. Опыт не был неприятным, только, я не чувствовала особой привязанности к своим бойфрендам, и, учитывая, как легко они покидали меня, я думаю, что это было взаимно. Таким образом, это оказалось неубедительным, и в конце концов я приняла сторону одиночества, а не непонимания.

И вот я двенадцать лет спустя готова выйти на сцену на генеральной репетиции Спящей красавицы. Воплотить принцессу Аврору-это немного девичья мечта, и завтра на премьере будет присутствовать моя бабушка, на первых ложах. Она пробудет у меня несколько дней, прежде чем вернуться в свою собственность, и это время позволит нам сбросить счетчики, стирая недостаток, который ощущался за эти несколько месяцев разлуки. Мои родители тоже будут там, но слишком много невысказанных обид обрушивается на наши отношения. Мои инвестиции в балетную школу и стипендия позволили мне быстро взлететь, а заодно и незави-

симось. Очень скоро упреки смолкли, и мой статус неблагодарной девушки возрос. Они злились на меня за то, что я заставила их уехать из Флориды и никогда не уделяла им времени, даже не уделяла им внимания, которого они вправе ожидать как родители. Помолодев, я возразила им, что я попросила их поехать в Нью-Йорк, но никогда не просила их следовать за мной. Как будто достойные родители способны отправить десятилетнее дитя за тысячи миль в одиночку ! Все быстро пошло наперекосяк, и теперь уже поздно это исправлять, так как ревность к моим исключительным отношениям с бабушкой приняла катастрофические размеры. В глубине души я благодарю их за то, что они дали мне так много, но я не могу выразить им свою благодарность, и слишком поздно, чтобы они захотели это понять. Поэтому я для них всего лишь разочарование, несмотря на мой невероятный успех и жертву второго ребенка, который дал бы им больше, чем я.

Мое счастье было бы полным, если бы моя знаменитость, в целом относительная, я вам это даю, мир танцев, это все-таки не Голливуд с кинозвездами, не сопровождалась неудобствами постановки. Моя фотография появилась по всему Нью-Йорку в течение нескольких недель, чтобы рекламировать шоу, которое будет проходить в знаменитом Линкольн-центре, и с тех пор я больше не могу ступить на улицу, не будучи узанным, не подписывая автографы и, что более тревожно, не получая несколько мрачных писем. Я пыта-

юсь отмахнуться, но повторение таких писем начинает под-
рывать мой боевой дух. Однако у меня нет времени думать
об этом дольше.

– Кейтлин, это твое. Твое Соло в лесу.

Вот и все. Большой шаг, чтобы оказаться в центре сцены антрехты, не пьяный, карусель, а затем хлестнул пируэт. В классическом танце все дело в ритме, точности, изяществе и мышцах. У меня есть стройное тело без малейших усилий, что стоит мне зависти многих танцовщиц на строгой диете, и это позволяет мне быть в полной гармонии с музыкой, кото-
рая переносит меня в другой мир, кристально чистый мир, в котором я развиваюсь беспрепятственно. Я скорее развива-
лась. Я старалась закрыть свой разум от паразитических мыс-
лей, которые захватывают меня, не могла воздвигнуть стены между моими чувствами и моим художественным выраже-
нием, они всегда были тесно связаны. Я знаю, еще до того, как сделала свой последний прыжок, я была не на высоте. Я чувствую это глубоко внутри себя, и лица других танцов-
щиц труппы подтверждают это. Кажется, они так счастливы видеть меня неудачной. Мир танцев-это мир акул, наравне с Уолл-Стрит. Они подстерегают первую возможность, ко-
торая позволит им занять мое место и выйти на передний план. Агата самая жестокая из всех. Она-мой самый жесто-
кий соперник, самый беспощадный. Любые предлоги хоро-
ши, чтобы меня подставить. Она злилась на меня с тех пор, как я поступила в американский балет. До моего приезда она

была самой большой надеждой труппы. Я приехала с невинным видом и невежеством в соревновании, а она стала второй, моей дублершей на случай несчастных случаев, разве что несчастных случаев никогда не бывает. Агата старше меня на восемь лет. Она доживала свои последние годы на сцене и со временем становилась все острее. Наверное, она хотела закончить свою карьеру апофеозом и осознала, что я причина этой неудачи. Я в самом расцвете сил, когда до нее осталось не более десяти лет танца. Что бы она ни делала, я все равно буду рядом с ней, отвоевывая у нее то место, которое она считает законным, и все ее деньги никогда ничего не смогут с этим поделаться. Агата-потомок большой семьи аристократов, владеющих многочисленными поместьями в самых шикарных районах Манхэттена. Она давно считала, что ее престижное имя всегда откроет ей все двери, оставив лежать на столе несколько банкнот, чтобы отпереть самые непокорные замки. Мой приход положил конец ее иллюзиям, и она не принимает этого. Она до того дошла, что предложила мне крупную сумму денег, чтобы я убралас со сцены. Она, очевидно, очень плохо восприняла мой отказ. Меня не интересуют деньги. Какой смысл быть богатым, если человек несчастлив ? Без танца я чувствую себя запертой в собственном теле. Я не могу обойтись без этого. Моя соперница этого не поняла и никогда не поймет. Для нее важна только слава. Слава и признание. Как будто балет-это гламурный мир, наполненный блеском ! Это в основном мир пота и тяжелой

работы.

– Тссс. Кейтлин. Ты, кажется, не в лучшей форме ? Я могу заменить тебя, если у тебя голова в другом месте. Публика ничего не потеряет на перемене, могу тебя заверить, и мы должны думать о наших болельщиках в первую очередь.

Как будто я соглашусь. Я предпочла бы пройти мимо нее, даже не взглянув на нее. Что ее еще больше разозлило, чем словесная возня, – это когда ее игнорируют, и я это очень быстро поняла.

– Ты просто стерва. Первая роль принадлежит мне по праву, и я бы ее получил.

В ее снах, наверное. На самом деле я занимаю это место и не собираюсь уходить. Пришло время, чтобы она придумала себе причину.

Глава 2

Кейтлин

Наконец настал день премьеры. Несмотря на всплеск сильно неприятных для меня писем, мне удалось взять себя в руки, сделав в уме максимум пустоты и выпустив через танец все затяжные эмоции во мне. Это было не без труда, так как письма становились все более угрожающими по мере приближения спектакля, и последнее в тот же день пришло не в театр, как все остальные, а прямо ко мне, в мое святилище, мое убежище, которое тогда показалось мне менее безопасным и утешительным. Поэтому хореограф нашел мои выражения слишком агрессивными во время нашей последней репетиции и попросил меня максимально смягчить мои черты лица с помощью макияжа на сегодняшний вечер, но в целом он доволен моим выступлением.

Моя бабушка здесь, я это знаю, я чувствую ее взгляд на себе. Она не успела зайти ко мне в гримерку до начала представления, но я всегда знаю, когда она там. Теперь я чувствую себя спокойнее, что мне очень нужно. Как и любой аутист, шум, толпа-это факторы, которые трудно переносить. К счастью, зал погружен в темноту, и молчаливая пуб-

лика, сосредоточенная на музыке и танцорах, которые плавно перемещаются по сцене, рассказывая одну из самых известных детских сказок. Я делаю свой вход с несколькими пируэтами на шипах. Я закрываю глаза и позволяю музыке увлечь меня. Я ощущаю вибрацию звуков от кончиков пальцев ног до волос, пульсирующих в такт, занимая все доступное пространство на сцене. Мое сердце бубнит на нотах скрипок, мое дыхание учащается по мере того, как мои шаги приближаются. Я ощущаю все в глубине своего существования: изгнание Авроры, ее уединение среди лесов, радость от того, что она нашла своих, горе от того, что потеряла их сразу же, и надежду на то, что ее наконец-то полюбят. Этот балет создан для меня. Он в нескольких видах прослеживает мою собственную жизнь, с того момента, как я покинул Флориду, до того момента, когда я нашел свое место на сцене. Не прекрасный принц для меня, но все-таки большая любовь : танец. Эта страсть наполняет мое сердце ликованием. Время течет так быстро на сцене. В бешеном темпе, который я не могу осознать. Очень быстро, слишком быстро, балет закончился. Занавес опускается под оглушительные аплодисменты зрителей. Вся эта возня заставляет меня вздрагивать плечами. Я бы хотела убежать, далеко от толпы, но это невозможно. Я первая танцовщица спектакля, и зрители в основном присутствуют чтобы увидеть меня. Мне удалось добиться, чтобы приветствия не затянулись, но это был единственный компромисс, который мне предоставили. По-

этому я стискиваю зубы, когда вся труппа присоединяется ко мне на сцене, и мы вместе здороваемся с публикой, как только поднимается занавес из красного бархата. Комната теперь освещена, что позволяет мне понять масштабы аудитории, который совершил путешествие, и я предпочитаю не останавливаться на этом видении, которое вызывает у меня панику. Я ищу глазами бабушку. Она стоит на своем обычном месте, на балконе слева от сцены, и я сосредотачиваюсь на ее лице. Черты лица не изменились с тех пор, как она в последний раз посетила ее десять месяцев назад. Полагая, что время не властно над ней. Ее серебристые волосы собраны в сложный пучок, а наряд подчеркивает ее тонкую талию. Хотя я далеко, я угадываю ее гордость по взгляду и улыбке. Краем глаза я замечаю рядом моих родителей, но, как и всякий раз, когда они смотрят на меня, их лица ничего не выражают. Ни радости, ни печали. Похоже, мои выступления и успехи оставляют их равнодушными. Интересно, почему они продолжают приходить на мои премьеры, так как они, кажется никогда не наслаждаются балетами. К счастью, занавес наконец опускается, и я могу стереть свою фасадную улыбку, которая создает судороги в моих скуловых мышцах. Вся труппа прыгает от радости и целуется, стараясь избегать меня. Все прекрасно понимают, что я не тактична. Только некоторые танцоры обращают на меня внимание и кивают в знак приветствия.

– Ты жалкая. Ты считаешь себя настолько лучше всех, что

даже не можешь радоваться вместе с нами.

Похоже, Агата не исчерпала всю свою энергию на сцене. Она полна желчи для меня. Я предпочла бы проигнорировать ее и повернуться к ней спиной, чтобы достичь к моей личной ложе, но моя соперница решила иначе. Она садится передо мной, преграждая мне проход, и повышает тон так, что все взгляды устремляются на нас.

– Заметьте, у тебя нет ничего хвастаться. Твое выступление не было так здорово. Посредственный предел. Может быть, у тебя есть озабоченность? Тебе лучше уйти из шоу, прежде чем испортить его окончательно.

– Оставь ее в покое Агата. Кейтлин танцевала очень хорошо сегодня вечером. Она была великолепна, как всегда.

Алекс ... мой ангел-хранитель, против всех и против вся. Наша история была короткой и малоинтересной, но он оказался мне гораздо лучшим другом, чем любовником. Он единственный, кто приспособился к моей разносторонней природе и моему очевидному недостатку общения. Он быстро понял, что это была не подлость с моей стороны, а мой образ жизни. Он защитник угнетенных и справедливых. Он защитник угнетенных и праведных дел. Мне кажется, я представляю для себя самую большую часть его работы рыцаря-служителя, хотя я не единственная кто пользуется его безоговорочной поддержкой. Я, конечно не против, но Агата никого не любит и заставляет чувствовать это некоторых из нас. Я пользуюсь вмешательством Алекса, чтобы незаметно

прокрасться в коридор, пока Агата изрыгает свою желчь тому, кто хочет ее слышать.

Мои коллеги убеждены, что у меня нет характера. Если бы они попытались узнать меня, они бы догадались, что ярость бурлит в моих венах и просвечивает в моих глазах. Ребенком, малейшее раздражение вызывало яростную истерику, во время которой я ломала все, что попадалось под руку. Затем я начала танцевать, и мои припадки были разнесены, пока они не исчезли. Танец был моим выходом, и я не хочу возвращаться. Скорее казаться скучной и безвкусной, чем сумасшедшей. В детстве первый доктор, который посетили мои родители, обвинил их в жестоком обращении. Из 42 признаков жестокого обращения с детьми у меня было более половины — от физических травм до эмоциональных и поведенческих расстройств. К счастью, социальный работник, который был направлен к моей семье для расследования, был обучен аутистическим расстройствам, спасая меня от размещения в приют, которое только ухудшило бы мое психологическое состояние. Идея выразить свои эмоции через деятельность исходит от нее. Благословение. Я стала менее жестокой, поэтому значительное снижение синяков и ран на моем теле, и сосредоточиться в школе стало легче, так как я могла отпустить в конце дня. Сохранялись только бегства. Я никогда не уходила далеко. Я укрывалас у бабушки, ожидая, когда пройдет буря. Достаточно было подумать о ней, чтобы увидеть, как она появляется в моем зеркале. Она единственная,

кому разрешен доступ в мою ложу..

– Добрый вечер, Кейтлин Кэт.

Она всегда заставит меня улыбнуться. Несмотря на годы, она продолжает звать меня, как в детстве. Я кладу вату и средство для снятия макияжа, чтобы обнять ее. Вот так. Наконец-то я дома. Достаточно того, что она там, где бы она ни была, чтобы я почувствовала себя успокоенной.

– Добрый вечер, бабушка.

– Позволь мне взглянуть на тебя, моя Кэт.

Она немного отодвигается, и я охотно склоняюсь перед ее осмотром. От нее ничего не ускользнуло, и уж точно не темные круги под глазами, которые теперь видны без маскировавшего их грима.

– Ты прекрасно выглядишь, дорогая. Только ты слишком много работаешь, и это видно. Тебе нужно отдохнуть.

– Я подумаю об этом, бабушка.

– Она скептически приподняла одну бровь. Она слишком хорошо меня знает.

– Хорошо. Я постараюсь, пока ты будешь здесь.

– Хорошо. Я рассчитываю провести в твоей компании как можно больше времени. С тех пор я уверена, что нам есть о чем поговорить.

Сомневаюсь, но это неважно. Все, чего я хочу, это быть с ней, даже если мы ничего не скажем друг другу. И потом, если мне нечего рассказать, то, может быть, и ей. Я знаю, что она любит свой новый дом посреди глуши. И ее сосед.

Особенно ее сосед. Она говорит мне о нем каждый раз, когда звонит. Мне кажется, она мечтает, втайне или нет, о том, чтобы я была с нею. У бабушки еще есть для меня мечты. Она очаровательна.

– Ты готова уйти, Кейтлин ? Твои родители ждут нас в ресторане.

Ха да. Знаменитая семейная трапеза ! Тот, который состоится только в ночь моих премьер и который сегодня является моим единственным контактом с моими родителями. Тем не менее, несмотря на наше полное отсутствие контакта в оставшуюся часть года, мне абсолютно нечего сказать им, где скорее, я не могу поговорить с ними, и поэтому этот ужин быстро превращается в тихую и неудобную еду, где моя бабушка пытается в течение двух часов воссоздать семейные связи, которые никогда не существовали. Я так же рада этой идее, как и оставить свое место первой танцовщицы Агате.

– Ты гораздо выразительнее, чем думаешь, Кейтлин Кэт. Не делай этого, дорогая. Эта еда важна для нашей семьи.

– Ты думаешь !

– конечно. Для меня это очень важно. Я хочу воссоединить сына и дочку.

Эти умоляющие глаза ... мне давно хотелось иметь такие же. Это наверняка изменило бы мою жизнь !

– Ты манипулятор, бабушка. Мне просто нужно переодеться, и я готова.

– Ты самая лучшая девочка на свете.

– Я в этом не сомневаюсь.

Она останавливается перед дверью и протягивает мне конверт, который был засунут под нее. Я хватаю ее дрожащими руками. Я начала опасаться курьеров.

– И Кэт, надень, пожалуйста, красивое платье. Я не хочу, чтобы твоя мама впала в истерику, увидев тебя в рваных джинсах, как в прошлый раз.

Увидеть его лицо в тот момент действительно стоило того. Тем не менее, у меня нет сердца, чтобы улыбаться. Я разворачиваю кроваво-красный конверт, заранее зная, что в нем. Все письма с угрозами, которые я получила, были идентичны этим. Я сразу узнаю полный гнева почерк, покрывающий бумагу. Она грубая и жестокая, как словами, так и рисунком, настолько сухая и выдержанная, что создавала дыры в листе под скороговоркой жестов.

"Ты меня не послушала. Я сказал тебе, что ты моя, и запретил показывать всем свою задницу. Ты должна была уйти от себя, когда у тебя была такая возможность, вместо того, чтобы быть твоей шлюхой. Теперь дело за мной. Ты будешь танцевать только для меня. Я пришел за тобой».

Мое дыхание короткое и отрывистое, а руки так дрожат, что лист падает на пол. Он впервые написал о своем намерении прийти ко мне, потому что это мужчина, в этом нет сомнения. Первые же письма, дошедшие до меня, заставили меня думать о слишком притяжательном поклоннике. Он рассказывал в своих письмах о жизни супружеской пары, ко-

торую он представлял для нас, с большим подкреплением непристойных высказываний. Со временем описания стали более сырыми, а высказывания-более угрожающими. Он перешел от 'Я возьму тебя во все стороны 'к"я буду насаживать тебя на свой член и трахать тебя, пока ты не закричишь от боли". Он также упрекает меня в отсутствии реакции и участия в нашей паре. Какая пара ? Я не знаю никого настолько крутого, чтобы выдумать со мной какую-нибудь похабную историю. То, как он меня представляет, ясно показывает, что мы не знакомы. Видимо, он решил исправить этот факт. Я достаю из сумочки мобильник, пытаюсь восстановить контроль над собой. Так как письма стали источником беспокойства, я передаю их директору балета, который связался с полицией. К сожалению, на данный момент у инспекторов нет никаких зацепок, и, по их словам, беспокоиться не о чем. П я слышала, что большинство анонимных сталкеров никогда не переходят к делу. А как же остальные ? Мне не дали ответа. Считайте, что я параноик. Ладно, я немного. Допустим, у меня есть естественная склонность все экстраполировать. Но пришло время прекратить эти письма.

– Кейтлин ! Ты была великолепна. Отзывы зрителей очень хорошие.

– Спасибо, сэр, но я звоню вам не для этого.

Я слышу, как он вздыхает в трубку. Я ему тоже не нравлюсь. Он терпит меня, потому что я ему полезна. Я принесу ему большие деньги, и он чувствует себя вынужденным

прилагать со мной усилия.

– Что я могу сделать для тебя ?

– Я получил новое письмо.

– Мы уже об этом говорили. Ты должна пройти мимо и выбросить их, не открывая. Этот человек никогда не пойдет на такое.

– Вообще-то, я получила одну из них у себя дома, а одну проскользнул в мою гримерку..

Наступившее молчание успокаивает меня. Может быть, меня наконец-то примут всерьез.

– Оставь их в охране, когда выйдешь из театра. Я передам их в полицию.

– Спасибо, сэр.

– Ничего, Кейтлин. Наслаждайся своим вечером. Ты заслужила это. Увидимся завтра и поговорим о расследовании.

– Хорошо. Увидимся.

Я испытываю облегчение от этого звонка. Я просто надеюсь, что с этими новыми письмами сделают все правильно. Я уже достаточно боюсь окружающего мира, не прибавляя страха психопата.

Я быстро готовлюсь. Не то чтобы я спешила разыскать родителей, но мне не терпится избавиться от этих проклятых писем, вид которых я терпеть не могу на своем туалетном столике. Я покидаю театр после последнего взгляда в зеркало, доверяя курьерам безопасность.

Глава 3

Кейтлин

Мои родители не изменились ни на дюйм. У моего отца всегда седеющие в бою волосы и пронзительно-голубые глаза, такие же, как у меня, а мама в строгом брючном костюме и шиньоне без торчащей пряди. То, как они на меня уставились, тоже ничем не отличается от того, когда я была маленькой. Как будто я инопланетянка, которую невозможно расшифровать.

– Спасибо, что оказала нам честь своим присутствием, Кейтлин. Ты не торопилась присоединиться к нам ! Но ты же знаешь, что твоя мать не может долго стоять на ногах.

У моей мамы действительно есть некоторые проблемы с коленями из-за неудачных суставов, но это больно только в холодную дождливую погоду, а небо сегодня невероятно чистое.

– Привет папа. Это невероятно мягкий сезон, не правда ли? Мы можем даже различить звезды.

– Не будь наглой, Кейтлин.

Эй, да. Мои родители всегда выступали вместе, и особенно против меня. Перед обедом вмешалась бабушка. Более

чем коротко так как мы еще даже не в ресторане.

– Давай поедим. Я умираю с голоду.

Бабушка кладет свою руку под мою, и мы молча продвигаемся по тротуару, возглавляя нашу маленькую процессию. У меня неприятное ощущение, что за мной наблюдают. Словно взгляд обжег мне спину, вызвав холодный пот вдоль позвоночника. Я могла бы подумать, что это связано с присутствием моих родителей, тем не менее они никогда не вызывали у меня такой эпидермальной реакции. Я вздрагиваю, осматривая окрестности, но слабое сияние луны и несколько рассеянных уличных фонарей не позволяют мне хорошо различить окрестности, создавая в полумраке зловещие тени.

– Тебе холодно, дорогая ?

– Нет, бабушка. Хорошо. Мне просто не терпится вернуться домой. Я устала.

О письмах бабушке я не говорила. Я не хотела, чтобы она беспокоилась обо мне. Она ведет мирную жизнь, и об этом не может быть и речи.

– Когда ты собираешься навестить меня в Виргинии ? Чистый воздух и большой простор сделали бы тебе большую пользу.

– Я в этом не сомневаюсь, бабушка, но сезон только начинается, и представления Спящей красавицы затянутся на несколько недель.

– А потом будут выборы для нового балета, который ты, очевидно, выиграешь, потом репетиции для нового спектак-

ля и снова спектакли. Это никогда не заканчивается, Кэт.

Я опускаю голову, стыдясь, что я такая плохая девочка. Эти замечания вполне оправданны.

– Мне жаль тебя разочаровывать, бабушка.

Она останавливается так резко, чтобы посмотреть мне в лицо, что родители нас толкают.

– Ты никогда не разочаруешь меня, Кейтлин Кэт. Ты меня слышишь ? Я очень горжусь тобой и твоими родителями.

Она бросает на них пристальный взгляд, на который они могут ответить только положительно.

– Конечно, Кейтлин. Мы рады за тебя.

Это не то же самое, что гордиться, но я бы согласился. Я знаю, что лучше от них не получу. Мы возобновляем нашу прогулку медленными шагами.

– Я просто хочу, чтобы ты открыла для себя что-нибудь еще, кроме танцев. А потом я хотел бы познакомить тебя с Баракиэлем.

– Твой сосед ?

Она кивнула.

– Ты никогда не говорила мне его имени. Он очень странный.

– Не суди его, не зная. Он ангел, дорогая.

Но, конечно ! Моя бабушка все равно любит всех без различия. Разговор по-детски мог бы на этом и закончиться, но, очевидно, маме пришлось вмешаться, как только она уселась за стол.

– В любом случае вы прекрасно знаете, что у Кейтлин нет времени на любовь, свекровь. Для этого ей нужно было бы заинтересовать кого-то, кроме себя, а это не близко.

Моя мать все более и более ожесточается. Интересно, почему она заставляет себя прийти ко мне, когда ей этого явно не хочется. Моя бабушка, наверное, не зря. Она умеет быть очень убедительной. Я хотела бы сказать своей семье, что я люблю их, но для этого мои родители должны были бы принять меня такой, какая я есть, и они никогда этого не делали. Сегодня уже слишком поздно, и мое молчание каждый раз воспринимается как отказ. На самом деле это скорее принятие ситуации. Как всегда, моя бабушка служит буфером в наших конфликтных отношениях. Я считаю, что без нее не было бы никакого взаимодействия между моими родителями и мной вообще.

– Закажем. Для такой старушки, как я, уже поздно.

Я выбираю свои блюда, но меня угнетает тишина за нашим столом и гул разговоров других клиентов. Бабушка хорошо меня знает и жмет мне руку под столом.

– Давай, у тебя есть время.

Я поспешно встаю, игнорируя маму, которая уже начинает скулить. Воздух снаружи меня бесит. Легкий ветерок ласкает мои голые ноги и розовеет щеки. Я наслаждаюсь тишиной ночи, чтобы сделать несколько шагов, прежде чем прислониться к стене и поднять глаза к небу. Ни единого облачка, и звезды мерцают на этом великолепном черном бархатном

ковре. Я могла бы просидеть там несколько часов, чтобы этот покой вторгся в мою измученную душу. В детстве я мечтала улететь и танцевать на облаке. Тем не менее, звук шагов слева от меня заставляет меня остолбенеть и понять, где я нахожусь. Я одинокая женщина в темном переулке Нью-Йорка. Я выпрямляюсь, неприятное ощущение овладевает моими кишками. Я поворачиваюсь и направляюсь к двери ресторана. Я не очень далеко, и все же расстояние вдруг показалось мне огромным. Я чувствую, что кто-то идет за мной. Я в этом уверена. Звуки шагов. Резкий вдох. Мне это не нравится, и глухая тоска сжимает мой желудок, а мое сердце колотится. Я ускоряю шаг, с облегчением добравшись наконец до своей цели, и благодарю швейцара, который берет на себя инициативу, давая мне пройти без необходимости замедлять ход. Укрывшись за стеклянными дверями, я оборачиваюсь, но замечаю только пустынную и безмолвную улицу. На горизонте никого нет. Мое сердце возобновляет более спокойный ритм, но моя голова остается застрявшей в режиме тревоги. Эмоции смешиваются во мне, грозя вызвать приступ аутизма, какого я давно не испытывала. Я убегаю в одну из кабинок туалета, запираюсь и корчусь на себе, на полу, раскачиваясь взад-вперед. Мне нужно танцевать, чтобы превозмочь страх, который меня поглощает, только это невозможно в данный момент. Поэтому я пытаюсь переориентироваться на себя и сделать пустоту в своем сознании. Легче сказать, чем сделать !

Затем каблуки стучат по кафелю перед моей дверью. Я инстинктивно отступаю, но меня загораживает кювет у меня за спиной.

– Кейтлин Кэт ? Ты в порядке ? Я заметила тебя в холле, но ты не вернулась к столу.

– Услышав голос бабушки, я вздрогнула. Я предпочитаю сосредоточиться на этом, на ней и ее голосе, подсчитывая в голове. Вдохновение, 1, 2, 3, 4. Действия, 1, 2, 3, 4. Повторяю упражнение пять раз подряд. Бабушка, пройдя туда и обратно вдоль всех кабинок, останавливается перед дверью моей.

– Открой мне Кэт. Я уверена, что ты здесь.

Я протягиваю руку, чтобы отпереть замок, и бабушка осторожно открывает его. Ее глаза грустны, когда она смотрит на меня. Она присела передо мной на корточки и погладила меня по волосам, как всегда делает, когда чувствует, что меня мучают.

– Что происходит, дорогая ?

Я не хочу об этом говорить. Не сейчас и тем более не здесь. Я все расскажу. Мне это нужно. Но я бы сделала это дома, в безопасности своего дома. Если я все еще в безопасности, то в этом я уже не уверена.

– Твои родители любят тебя, Кейтлин Кэт. Просто они не знают, как вести себя с тобой. Они не могут понять тебя.

– Знаю, бабушка. Это неважно.

Я бы предпочла, чтобы она положила мою реакцию на счет этой неудобной еды, на данный момент, во всяком слу-

чае.

– Пойдем, дорогая. Не лежи на полу, ты простудишься на этой мерзлой плитке.

Она помогает мне подняться и поправляет нижнюю часть моего платья, которая слегка откинута назад.

– Ты уже успела показать свои трусики, дорогая.

Это отражение натягивает на меня улыбку, и мы присоединяемся к нашему столику рука об руку.

– Наконец-то вы вернулись. Наши блюда были поданы уже целую вечность и скоро будут холодными. Что ты делала, Кейтлин ? Ты раздавала автографы ?

Я могла бы смеяться над ним, если бы только не хотела плакать. Мама убеждена, что я предпочла славу семейной жизни рядом с ними. Как она ошибается ! То, что я выбрала, – это нормальность, свобода. В конце концов, я решила освободить свой разум от всех чувств, которые бомбардируют меня в течение долгого времени, чтобы жить мирной жизнью, хотя большинство людей не считают ее такой банальной. Правда, фотография меня в костюме классической танцовщицы стоит на половине городских автобусов, и я регулярно появляюсь в специализированных журналах. Однако все, что я вижу, я делаю то, что мне нравится. И до последнего времени мне удавалось абстрагироваться от всего окружающего меня сена.

– Ты хотя бы присядь, пусть мы наконец начнем!

– Простите. Конечно.

Правда, как часто бывало, я терялась в мыслях и застыла возле стола. Поэтому я занимаю место на стуле, и трапеза проходит, как и все остальные, в почти религиозном молчании, только перемежаемом фразами моей бабушки, которая отчаянно пытается возобновить диалог между всеми нами.

– Может быть, завтра мы вместе сможем посетить город?

– Конечно, нет ! У нашей национальной Звезды, безусловно, есть чем заняться, чем проводить время с нами.

Определенно. Моя мать никогда не простит мне того, что я такая, какая есть : независимая. Когда мне поставили диагноз аутистических расстройств, она расстроилась, так как мои истерики были неуправляемыми, но она также сказала себе, что она всегда будет нужна мне рядом, чтобы вытащить меня , и ей понравилась эта идея. Она думала, что я навсегда останусь маленькой девочкой для ее мамы. Будущее показало обратное.

Я предпочитаю отвечать бабушке, чтобы не ссориться с мамой.

– Я не работаю завтра. Нам дают День свободы. Мне просто нужно потренироваться утром, а потом я вся твоя.

– Настоящее чудо ! Это не должно происходить часто, так как ты даже не успеваешь позвонить нам !

– Вмешалась бабушка, как всегда.

– Я с удовольствием побываю на острове Эллис. Мы еще никогда туда не ходили.

Я тоже никогда туда не ступала. Оказаться застрывшей на

пароме никогда не волновало меня больше, но уйти, хотя бы на несколько часов, от Большого шишок и своих забот в компании бабушки-очень заманчивая идея.

– Отличная идея, бабушка. Мы отправимся туда после обеда. Я позабочусь о том, чтобы билеты доставали до репетиции.

– И ты даже не спрашиваешь, хотим ли мы присоединиться к тебе, конечно !

Я подавляю застрявший в горле комок. Моя мать не пощадит меня сегодня. Похоже, пришло время свести счеты. К сожалению, я не в состоянии это вынести и предпочитаю быть послушной, принимая на себя ответственность за то, чтобы сломать подлокотник моего кресла, хрустнув пальцами по нему.

– Папа, мама, не хотите ли вы завтра поехать с нами на остров Эллис?

– Ну, представь себе, что мы не можем. Мы работаем завтра. Мы не в состоянии, когда мадам решает уделить нам немного своего времени !

Все ради этого ! А потом они будут упрекать меня в том, что я не прилагаю никаких усилий. Я так сильно прикусываю язык, чтобы не закричать, что кровь заливает мне рот. Очень хотелось, чтобы эта трапеза закончилась, чтобы я могла наконец, укрыться дома и снять напряжение. Я устроила для этой единственной цели целую комнату с зеркалом и перекладной у стены. Личный мини-танцевальный зал, который

сослужит мне хорошую службу, если я смогу закрыть глаза этой ночью.

Наконец-то я у себя ! Мои удобные доходы позволяют мне иметь этот большой 4х комнатный дом в самом центре Нью-Йорка, недалеко от Американского театра балета, без необходимости ездить на общественном транспорте. Настоящая роскошь для меня. Я везде хожу пешком, и это меня очень устраивает. Я отпираю дверь и делаю знак бабушке, чтобы она шла впереди меня. Она хорошо ходит для своего возраста, я все еще чувствую, что она устала, и я уверена, что она задерживается, чтобы завладеть ее комнатой. Потому что у нее своя комната в моем доме. Я никогда никого не приглашаю, кроме нее, поэтому третья комната была обставлена в соответствии с ее вкусами и пристрастиями.

– Взгляни Кейтлин Кэт. У тебя под дверью просунули письмо. У тебя был бы тайный поклонник, о существовании которого ты бы скрыла от меня?

Глава 4

Кейтлин

Я чувствую, как весь цвет покидает мое лицо, сердце застывает в груди, а руки становятся потными. Мне не нужно смотреть на конверт, который она держит в руках, чтобы узнать, о чем идет речь и от кого она идет. Три в один день — это в первой, который я бы хорошо провела.

– Кейтлин ? Проблема ?

– Не. никакой.

Мои руки дрожат так же, как и мой голос, когда я хватаю конверт, такой же красный, как кровь в моих жилах, противоречащий моим словам.

– Я знаю тебя лучше, чем ты сама. Что происходит в конце концов? И ничего мне не отвечаешь!

На мое отсутствие ответа и реакции бабушка берет на себя инициативу. Она схватила конверт, развернула его и прочитала вслух, нахмурившись.

– Готовься, я скоро приеду. Очень скоро.

Она несколько раз молча перечитывает послание, в то время как я обрушиваюсь на дверь, заперев ее на двойной оборот. Я запираю и отпираю замок несколько раз подряд, мои

объятия всплыли под давлением.

– Что это значит, Кейтлин ? В этом нет ничего романтического, не так ли ?

Я качаю головой слева направо, на грани нервного срыва. Я начинаю стучать затылком о твердое древесине позади себя, надеясь прогнать все темные мысли и тревоги, которые проходят . Сухой шум эхом разносится по моей квартире.

– Нет, Кейтлин. Это не решение.

Она кладет руку мне на шею, чтобы я не причинила себе вреда, и ведет меня в комнату для танцев, держа меня за руку..

– Даю тебе полчаса, чтобы успокоиться. А потом я хочу, чтобы у нас обоих был серьезный разговор. Ты меня правильно поняла ?

Я киваю, прежде чем начать музыку, не теряя ни секунды. Я сделала эту комнату полностью звуконепроницаемой для спокойствия моих соседей для таких случаев, когда необходимость выпустить пар будет ощущаться в поздний час. Сомневаюсь, что им понравится слышать музыку и звуки моих прыжков в 11 вечера. Ритм быстрый, мощный, звучащий во мне, как барабаны. Это именно то, что мне нужно. Я вскакиваю, вертлю и цепляю импровизационные движения, чтобы вытеснить ярость и тоску, которые эти письма вызывают во мне. Я их больше не выношу. И я не выношу того факта, что они сейчас приходят ко мне. Я понимаю, сколько времени проходит, только когда бабушка отключает звук.

– Это очень жестоко, Кэт.

Я даже не заметила, что бабушка осталась со мной вместо того, чтобы идти отдыхать, и ни на мгновение не сомневаюсь, что она говорит о том, как я двигаюсь.

– Это не первое такое письмо, которое ты получаешь, не так ли ?

Я хватаю одно из чистых полотенец, которое постоянно оставляю в комнате, чтобы вытереть лицо. Это дает мне время, чтобы восстановить более ровное дыхание и замедлить сердечный ритм.

– Не. Я получаю это с момента моего назначения на роль Спящей красавицы. Они становились все более частыми по мере приближения первого представления спектакля, а это уже третья за день.

Она подходит и прижимает меня к себе, чтобы утешить.

– Ох. Моя Кэт Кейтлин. Ты должна была рассказать мне об этом. Я бы пришла поддержать тебя гораздо раньше, если бы знала.

– Я знаю, бабушка. Только у тебя своя жизнь, и я взрослая. Я должна взять на себя ответственность. И потом, это ведь всего лишь письма. Ты же прекрасно знаешь, что я с трудом справляюсь с неизвестными данными, и совершенно ясно, что я не понимаю смысла отправки такого рода писем.

– Принимать на себя себя не значит изолировать себя, дорогая, и эти письма не безобидны. Ты предупредила полицию ?

– Директор балета сделал это для меня, так как курьеры до сих пор прибывали в театр, но расследование топчется. У них нет никаких зацепок, и поскольку мне никогда не угрожали физически, они не принимают дело всерьез. Он думает, что я слишком много переживаю.

– Вижу. Только письма поступают прямо к тебе сейчас. Это все меняет.

– Только с утра. Директор сообщит следователям об этом событии.

– Хорошо. Пока эта история не уладится, я останусь у тебя и прослежу, чтобы тебе ничего не грозило.

– Бабушка...

– Этот момент обсуждать не стоит. Ты моя девочка, и не может быть и речи о том, чтобы кто-то угрожал тебе, даже если это просто для того, чтобы напугать тебя.

– Возможно, пройдут месяцы, прежде чем полиция кого-нибудь арестует.

– Ну, допустим, я беру длительный отпуск. Я на пенсии, Кэт, у меня есть все свое время, и Баракиель может присматривать за моим домом в мое отсутствие. Я сейчас позвоню ему и спрошу.

Бесполезно тратить слюну, пытаюсь заставить ее передумать. Моя бабушка упрямее мула, и в глубине души я была бы рада, если бы хоть на какое-то время со мной кто-то был. Во всяком случае, она уже достала сотовый и набрала номер.

– Здравствуй, Баракиель. Прости, что беспокою тебя так

поздно, но я знаю тебя, уверена, ты не спал.

– ...

– Мне придется продлить свое пребывание в Нью-Йорке. Не мог бы ты присмотреть за моим домом в мое отсутствие ?

– ...

– Да, все в порядке. Просто некоторые детали, которые нужно решить.

– ...

– Спасибо. Ты ангел, но это ты знаешь. Я свяжусь с тобой, как только узнаю дату моего возвращения. Скоро увидимся.

Бабушка улыбается, когда кладет трубку.

– Похоже, ты очень любишь своего соседа.

– Я же говорила тебе: Это ангел.

– Я люблю тебя, бабушка, но ты прекрасно знаешь, что я не верующая, поэтому ангелы и все такое прочее....

Она несколько раз таскала меня в церковь, когда я была маленькой, после каждого моего жестокого нервного припадка, с целью, чтобы я нашла поддержку где-нибудь, кроме ее дома. Она подозревала, что я в конце концов улетаю, и хотела, чтобы у меня всегда был кто-то, к кому бы я ни обращалась, где бы я ни находилась. К сожалению, благоговейная сторона, жесткая, места мне не подходили, и я не нашла своего места. Бабушка ласково похлопывает меня по руке.

– Ты еще молодая Кейтлин Кэт. Ты еще не все видела. Можешь поверить моему давнему опыту. На этом я и лягу. Я измучена. Спокойной ночи, дорогая.

– Спокойной ночи, бабушка. Я уеду пораньше на репетицию, но вернусь к обеду.

– Идеально. Мы поужинаем вместе, а потом отправимся на экскурсию. День на свежем воздухе, вдали от городской суеты, принесет тебе величайшую пользу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.